«ВОЕННАЯ ЖИЗНЬ ГЕНЕРАЛА-ЛЕЙТЕНАНТА ДОРОХОВА» И «ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО: ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ ОБРАЗА ФЕДОРА ДОЛОХОВА

В качестве опорного источника рассматривается ранее не привлекавшая внимания исследователей рукопись «Военная жизнь генерала-лейтенанта Дорохова», принадлежащая перу Руфина Ивановича Дорохова и хранящаяся в фонде рукописей, старопечатных и редких изданий Национальной библиотеки Республики Беларусь. Существенная концептуальная близость исследуемого рукописного документа тексту толстовского произведения и его претекстам позволяет включить «Военную жизнь генерала-лейтенанта Дорохова» в круг «фоновых» типологических параллелей одной из главных биографических историй романа – линии Долохова, пополнить круг прототипов героя еще одним историческим лицом – Иваном Александровичем Дороховым.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой; персонаж; прототипы; рукопись; военная биография.

Историческое мышление Толстого в романе «Война и мир» остро актуализирует вопрос о выяснении источников как аналитической логики писателя, так и самих образов героев произведения, нередко имеющих правдоподобные прототипические корни. Особенно интересна в этом отношении фигура Федора Долохова, стянувшая к себе сразу несколько реально-биографических сюжетов.

В комментарии к роману «Война и мир» Б.И. Кандиев пишет о нескольких вероятных прототипах толстовского героя: «В создании его писатель использовал ряд источников: семейные предания о своем дальнем родственнике Федоре Ивановиче Толстом, которого он лично знал; сведения о прославленном на Кавказе храбрце, офицере Р.И. Дорохове, также знакомом Толстому, и источники об известном партизане 1812 г. Фигнере» [1. С. 12]. А. Петровский в комментарии к дневникам Толстого также отмечает характерную множественность прототипов: «...образ Долохова не сразу дался Толстому. В черновых рукописях можно проследить колебания между чертами Федора Толстого-Американца, увековеченного Грибоедовым (“В Камчатку сослан был, вернулся алеутом”), и партизана А.С. Фигнера» [2. С. 90]. Прототипу Долохова Толстому-Американцу и его влиянию на толстовский нарратив посвящены исследования Т.Н. Архангельской [3]. Между тем кавказский знакомый Толстого Руфин Иванович Дорохов продолжает считаться в науке одним из возможных, наряду с Ф.И. Толстым-Американцем и А.С. Фигнером, вдохновителей образа Долохова, который «воспринимается как дублер Дорохова, наделенный автором фрагментами его биографии и характера» [4. С. 88].

Особый интерес проблеме прототипов персонажей великого толстовского романа придают письменные свидетельства исторических фигур, привычно ассоциирующихся с Долоховым, которые, представая в качестве «документов эпохи», оказываются в сложных отношениях с текстом «Войны и мира», выступая в качестве дополнительных слагаемых его контекста. Так, обращает на себя внимание достаточно обширное литературное наследие Руфина Ивановича Дорохова (он был включен в энциклопедию «Русские писатели» [5. С. 158–159]), в числе произведений которого есть хранящаяся ныне в отделе рукописей, старопечатных и

редких изданий Национальной библиотеки Республики Беларусь книга, озаглавленная «Военная жизнь генерала-лейтенанта Дорохова» [6]. Документ датирован 1850 г., он представляет собой писарскую копию биографического текста объемом 216 страниц, написанного Р.И. Дороховым о его отце Иване Александровиче. Ранее документ был частью фонда генерал-лейтенанта Федора Ивановича Паскевича: рукопись содержит посвящение Паскевичу и приложения с военными донесениями и письмами И.А. Дорохова. Насколько нам известно, до настоящего момента этот текст в науке о Толстом специально не рассматривался.

Несмотря на то что личность И.А. Дорохова находилась в поле зрения Толстого (в разделах романа эпопеи, посвященных партизанской войне, последний появляется несколько раз под своим настоящим именем (см., например: [7. Т. 12. С. 106])), вопрос о знакомстве романиста с данной рукописью в период работы над «Войной и миром» является дискуссионным. Впрочем, полностью исключать такую возможность нельзя: Толстой был знаком и с Р.И. Дороховым, и с Ф.И. Паскевичем. Любопытно и то, что жена Ф.И. Паскевича Ирина Ивановна, в девичестве Воронцова-Дашкова, перевела на французский язык несколько произведений Толстого, в том числе «Войну и мир». Немаловажно отметить, что И.А. Дорохов был земляком Толстого, и его биография могла быть известна писателю из разных источников. Мы бы хотели прежде всего обратить внимание на сходство отдельных мотивов и, шире говоря, повествовательных решений, к которым прибег автор документа, с текстом «Войны и мира», сходство, обусловленное закономерностями нарративизации исторического события в середине XIX в. и, в частности, осмыслением Отечественной войны 1812 г.

Начнем с совпадений в персонажной структуре, с одной стороны, привлеченного нами рукописного документа и, с другой – произведений Толстого, непосредственно предшествовавших «Войне и миру». Ситуация, при которой возможными прототипами одновременно становятся и отец, и сын, довольно любопытна и отсылает нас к повести Л.Н. Толстого «Два гусара» (1856), героями которой как раз и являются отец и сын Турбины. П. Громов назвал это раннее произведение первым подходом к взятию большой темы, раскрывшейся позже в «Войне и мире» [8. С. 135].

Действительно, широкий историко-событийный зачин повести явно не соответствует ее небольшому размеру. Обычно литературоведы (П. Громов, Т.Н. Архангельская) отмечают близость образа Турбина-отца Толстому-Американцу, причем семантические характеристики этого толстовского героя, по мнению исследователей, предвосхищают в перспективе Долохова «Войны и мира». С.И. Розанова же отмечает близость биографических описаний Р.И. Дорохова как Долохову, так и персонажу «Двух гусаров»: «Феномен Дорохова художнически исследован в “великой книге” глубже, разносторонней, чем аналогичный феномен в повести “Два гусара”. “Станный, привлекательный, наглый” Долохов, получивший от прототипа свои родовые черты, интерпретируется автором в контексте времени, в недрах которого в начале столетия сформировался тип “странной” индивидуальности, несущей в себе доброе и злое, горячность и хладнокровие, ум и безрассудство, сентиментальность и жестокость, героическое и преступное, тип эпохальный и исчезнувший» [4. С. 88].

Сопоставляя Турбиных с Дороховыми, автором и героем рукописи «Военная жизнь генерал-лейтенанта Дорохова», можно выявить любопытные сходства, однако заданная в повести Толстого главная антитеза *отец – сын*, в рамках которой отец воплощает в себе удаль поколения победителей Наполеона, а сын предстает лишь жалкой пародией на отца, не находит в привлекаемом нами рукописном источнике соответствий: оба Дороховых (с поправкой на время) – личности яркие и героические. Толстой создает свои тексты под «эпическим», всеохватным углом зрения, ему важно увидеть поколение крымского поражения вообще, а Дорохов пишет семейную историю, подводит биографию отца непосредственно к себе. В автобиографическом нарративе естественным образом «включается» энергия самооправдания, в толстовском же тексте налицо противоположная установка – суда, приговора (отсюда в перспективе и морализм – суд уже и над самим собой). Автобиографический нарратив Толстого в будущем – это «Исповедь», а дороховская же военная биография – текст семейный, написанный со сглаживающей, идеализирующей точки зрения; нравственный императив здесь дан лишь как история служения, отсюда акцент на подвигах и пр. Одним из прототипов Турбина-отца и Долохова являлся двоюродный дед писателя, Толстой-Американец, потому «семейное» отношение к этим персонажам можно заметить, но в целом толстовскому взгляду присуще более генерализирующее, «над-стоящее» видение, которое способно выделить и слабые стороны, и даже иногда нечто «наполеоническое», иррационально присутствующее в русском герое Отечественной войны.

Неуместность таких персонажей, романтических эксцентриков, в мирное время наглядно видна на примере биографии Руфина Дорохова, о котором А.В. Дружинин (показательно, что – в книге о Лермонтове) заметил: «Живи он в двенадцатом году, при широкой дороге для военного разгула и дисциплине, ослабленной необходимостью, его прославили бы...» [9. С. 380]. В мирной ситуации его таланты применимы были только на Кавказе, о котором толстовский герой «Рубки леса» Болхов (отметим созвучность фамилий)

сказал: «В России ведь существует престранное предание про Кавказ, <...> будто это какая-то обетованная земля для всякого рода несчастных людей» [7. Т. 3. С. 54].

С парностью персонажей «Двух гусар» соотносится не только параллель двух Дороховых, старшего и младшего, но также аналогичная связь Паскевичей, один из которых (адресат посвящения рукописи), Ф.И. Паскевич, был, как и Руфин Дорохов, сыном прославленного героя Ивана Федоровича Паскевича. Любопытно, что дата смерти его отца, И.Ф. Паскевича (20 января 1856 г.), близка по времени началу работы Толстого над повестью «Два гусара», которая писалась в марте – апреле 1856 г., но могла быть задумана ранее. Некоторые факты биографии отца-Паскевича также продуктивно соотносятся и с долоховскими характеристиками, особенно в свете их «персидского ореола»: Долохова после удачных персидских походов называют «персиянином», Паскевич же получил за персидскую кампанию графский титул и звучную добавку к фамилии: «Эриванский», которые унаследовал и его сын. Имя Паскевича встречается в толстовских текстах неоднократно, причем в числе этих упоминаний (отметим, в частности, черновики повести «За что?») есть и негативные, в которых писатель третирует «ограниченного, грубого солдата Паскевича» [Там же. Т. 42. С. 503].

В рукописи, повествующей о военных подвигах генерал-лейтенанта Дорохова, обнаруживаются некоторые сюжеты, перекликающиеся с мотивной структурой образа Долохова. Повторим: маловероятно, что Толстой был знаком с написанными Р.И. Дороховым воспоминаниями об отце, но в устной форме история генерал-лейтенанта могла быть знакома писателю, и речь скорее должна идти о единстве поведенческих моделей, близости жизнестроительных сюжетов, положенных в основу разнообразных автобиографических памятников эпохи. Становление толстовских принципов нарратива проходило в близком знакомстве с этим блоком источников.

Любопытно, что реальный «жизнетекст» генерал-лейтенанта Дорохова оказывается каноничнее, идеальнее, чем близкий ему романтически-неоднозначный вариант жизни толстовского героя. В исследуемой рукописи Иван Александрович Дорохов представлен исключительно с положительной стороны. Его «жизне война», «военная жизнь» содержит только подвиги. Даже отступление засчитывается за подвиг:

«Во все время отступления, продолжавшегося беспрерывно десять суток, потеря авангарда Дорохова состояла только в бти убитых и 18ти раненных, и в оставлении по разным местам с небольшим 30ти человек, не могущих по болезни и усталости. Отступление это, поставившее Дорохова высоко в мнениях Императора Александра и обоих Главнокомандующих, нельзя не почитать одним из замечательнейших подвигов» [6. Л. 33 об. – 34].

Дорохов – сирота, и его успехи в продвижении по службе согласно рукописи – всецело результат его личной храбрости и верности в служении Отечеству на военном поприще:

«Оставшись сиротой, Иван Семенович, 30 октября 1783 года поступил в Артиллерийский и Инженерный: / ныне 2й кадетский корпус» [Там же. Л. 2].

По открытию в 1787 г. военных с турками действий, Смоленский полк находился под Врашиловым. Здесь Дорохов был в первый раз в огне, командуя охотниками. Храбрость, оказанная им при этом случае, обратила на него внимание не только ближайших начальников, но даже самого князя Потемкина, заступившего на место Румянцева [Там же. Л. 2 об.].

Не имея порока тщеславия, Дорохов более всего дорожил военной своею известностью. Однажды казачий офицер донес Бенигсену, будто бы Дорохов, находящийся с отрядом на Боровской дороге, отрезан и окружен неприятелем. Приняв это за обвинение в оплошности, Дорохов требовал исследования в несправедливом обвинении его и заключил рапорт свой следующими словами: «кто с чистою совестью перед Богом, государем и отечеством без всякой протекции, в продолжении 27 лет под пулями приобретал себе репутацию, тому и тень пятна на его чести тяжелее самой смерти!». Фельдмаршал князь Кутузов, письмом от 20 сентября, поспешил успокоить Дорохова, заверяя его, что неосторожная ошибка казачьего офицера не может иметь никакого влияния на то уважение, которое столь отличный Генерал заслужил в Армии своею опытностью... [Там же. Л. 75 об.].

Храбрость и полезность Дорохова неоднократно подчеркивается: Барон Бенигсен в военном свидетельстве писал: «Изюмовского Гусарского полка шеф генерал-майор Дорохов, сверх отличной храбрости, расторопности и неустрашимости, оказанных им в разных сражениях минувшей противу французов кампании...» [6. Л. 21 об.]. Качество эти делают Дорохова человеком, способным повести за собой отряд в случае смерти командира: «...пред самым рвом командир батальона Зыбин был убит. Дорохов принял начальство над батальоном, своеручно убил несколько неприятельских солдат и удержался на валу» [6. Л. 17 об. – 18], эти же качества позволяют ему становиться героем военных анекдотов: «В одной из атак ранен он был в левую руку пулею навывлет; подчиненные и некоторые товарищи тщетно уговаривали его перевязать рану: “стоит ли русскому думать о царапине в руке, когда надобно отстаивать честь отечества”» [Там же. Л. 40 об. – 41].

Главный герой «Военной жизни генерала-лейтенанта Дорохова» изображается как внимательный начальник и тонкий стратег:

«Дорохов хотел было ту же минуту идти обратно к Воложину и отбить его у французов, но чрезмерная усталость людей, изнурившихся семидневными форсированными маршами, принудила это намерение до следующего дня» [6. Л. 32 об.], только необыкновенное присутствие духа, опытность и отвага начальника, дивное мужество и безусловное усердие подчиненных могли спасти отряд этот от гибели, и даже не позволить неприятелю, отовсюду его окружавшему, отхватить ни одного орудия, ни малейшей части обоза! [6. Л. 34 об.].

Но есть в его характеристиках и некоторая двойственность, связанная с дерзостью.

В военное время деятельный, неутомимый, но всегда осторожный, никогда не вдавался он слепо в опасность, а не однажды доказывал на опыте, что искусные отступления можно приобрести больше пользы и сла-

вы, чем безрассудною отвагою... Подобная осторожность тем более удивляла в Дорохове, что он в бою отважен был до дерзости, а в минуты вспыльчивости не мог воздержаться себя ни на словах, ни на письме. Один из любивших Дорохова начальников, получивший от него рапорт, которым имел право быть недоволен, обнимая его на следующий день за победу сказал ему «Любезный Иван Семенович. Авангардного начальника и партизана осторожнее, неусыпнее, храбрее и рассудительнее, храбрее и рассудительнее Вас быть не может, но осмотрительнее в переписке, я думаю, найти не трудно» [Там же. Л. 73–73 об.].

Интересен зафиксированный в рукописи «личный вклад» героя в победу над Наполеоном, подчеркивающий значимость Дорохова в Отечественной войне:

Наполеон, встревоженный нападением Дорохова на пути его сообщений, выслал против него отряд генерала Ламюзе [Там же. Л. 47].

Когда через два дня неприятельские войска стали ежечасно умножаться на калужской дороге, прозорливый, опытный Дорохов, имевший безошибочный взгляд на военные движения, первый проник замыслы Наполеона... [Там же. Л. 61 об.]

«Таким образом, в полной мере оправдалось соображение Дорохова, что Наполеон хочет через Калугу прорваться в плодородные наши губернии. Дорохов донес о сем князю Кутузову и, получи повеление, спешит к Малоярославу, где и держатся, пока не прибудет туда вся Армия из Тарутина... Вскоре появились войска Наполеона и подошла наша Армия, закипел упорный бой, и неизвестный дотоле городок сделался историческим, как пункт, на котором рушились последние надежды гордого Завоевателя. Несколько раз переходил Малоярославец из рук в руки; с обеих сторон истощены были все усилия самоотвержения; но наконец Наполеон, убедившись в невозможности пробиться на Калугу, отступил с полчищами своими и обратился на тот же разоренный им Смоленский путь, которым шел он к Москве и на котором в последствии погибла вся его Армия. В этом знаменитом бою, положившем основание спасению нашего отечества, Дорохов сражался в самом городе» [Там же. Л. 63 об. – 64].

Когда разнесся слух в главной квартире Армии, что рана Дорохова смертельна, Светлейший Князь Кутузов послал сказать ему: «неприятель бежит; Южная Россия обязана ему <Дорохову> обороною – и если уж неизбежно – он может умереть спокойно [Там же. Л. 65–65 об.].

Внешние характеристики И.А. Дорохова во многом перекликаются с описанием Долохова в «Воине и мире». О Дорохове: «...голос имел громкий, ясный, речь важную; в обществе любил больше молчать, и потому казался задумчивым; в кругу же семейства, товарищей и приятелей был чрезвычайно любезен; требовал неограниченного к себе доверия от друзей своих, и сам им платил тем же... Известный в армии за отличное ездки, он вместе с тем был одним из лучших в России стрелков из ружья и пистолета» [Там же. Л. 72 об. – 73]. Долохов представлен Толстым как отличный стрелок, обладатель ясного и громкого голоса, упоминания о котором встречаются неоднократно. Храбрость и дерзость являются значимыми характеристиками Долохова, как и двойственность по отношению к людям близким и всему остальному обществу.

В черновиках «Войны и мира» Долохов объявляет о своем желании убить Наполеона, что перекликается с легендами о военной биографии А.С. Фигнера, но также может быть связано с особенной ролью И.А. Дорохова в завершении войны: см. диалог Долохова с Кутузовым накануне Бородинского сражения: «И ежели вашей светлости нужно человека, который бы пошел в неприятельскую армию убить Бонапарта, то я готов быть таким» [7. Т. 16. С. 101].

Легендарность деяний, оставленная долгая память в обществе – черты как самого толстовского персонажа, так и всех его прототипов: Ф.И. Толстого-Американца, А.С. Фигнера, Р.И. Дорохова. Александр Иванович Дорохов также обладал посмертной славой: «Еще в 1831 г., в войну с польскими мятежниками, слышали, как старые усачи Изюмцы желая похвалить в бою молодого гусара, говорили: “тебе сказал бы спасибо и Дорохов”» [6. Л. 76].

Долохов, как и И.А. Дорохов, часто меняет место службы и должность, но это не планомерное движение вверх, а кривая линия, прерываемая постоянными разжалованиями: офицер; разжалованный; солдат; вновь офицер; советник персидского шаха; командир отряда партизан.

Однако некоторые аспекты жизни Долохова помещают его – при прочих равных условиях (ранение персонажа в руку и смерть командира, открывающая возможность самим командовать отрядом) – на другой полюс относительно этической позиции, занимаемой Дороховым. Так, Долохов отнюдь не является внимательным начальником для своих подчиненных – его наполеоновское кредо «цель оправдывает средство» оказывается в романе причиной гибели людей (что в толстовском тексте ассоциируется с Наполеоном («Наполеоновское» начало в образе Долохова рассмотрено В.Г. Одиноким [10]), на глазах которого также гибнут в воде польские гусары). Вспомним сцену переправы через плотину Аугеста во время австрийской кампании 1805 г., когда Долохов, «раненный в руку, пешком, с десятком солдат своей роты (он был уже офицер), и его полковой командир, верхом, представляли из себя остатки всего полка» [7. Т. 9. С. 354]. Герой решительно командует солдатам оставить узкую плотину и вступить на тонкий осенний лед («Сворачивай! – закричал он, подпрыгивая по льду, который трещал под ним, – сворачивай! – кричал он на орудие. – Держит!...» [7. Т. 9. С. 355]). Однако «лед, державший пеших, рухнул огромным куском, и человек сорок, бывших на льду, бросились кто вперед, кто

назад, потопляя один другого» [Там же. Т. 9. С. 355]. Очевидно, что данный эпизод предвосхищает знаменитую сцену с Наполеоном и польскими гусарами.

Примечательно, что вне войны герои такого типа нам фактически не показаны: Долохов всегда вносит хаос даже в мирные эпизоды, И.А. Дорохов в перерывах между войнами согласно рукописи как будто вообще не действует. «Уход» рассматриваемых образов тесно связан с завершением военных действий. Дорохов умирает медленно, как умирает на страницах «Войны и мира» Кутузов, ощутивший свою ненужность. Рана, полученная Дороховым, конечно, сыграла здесь свою роль, но кажется более мифологичной – как рана Ахиллеса: «В минуту атаки ранен он был в левую ногу, пулею, которая ударив в плюсну, прошла навывлет около пятки. Тяжкая рана эта не только удалила Дорохова с поля битвы, но разлучила его навсегда с поприщем военной славы, сделавшись чрез два года причиною преждевременной его кончины» [6. Л. 74 об.]. Долохов же совершенно пропадает со страниц «Войны и мира» вместе с окончанием войны.

Задумывая образ Долохова, Толстой задействует тот способ обработки исторического материала, о котором пронизательно писал Ю.М. Лотман. Так, внедренные в художественный образ Тушина фрагменты биографии А.В. Суворова проливают свет на алгоритм конструирования образов целого ряда иных персонажей романа-эпопеи: «Герой Толстого, конечно, не портрет Суворова. Толстой сделал нечто большее. Он как бы подверг реальное историческое лицо художественному изучению и извлек из него то, что в образе Суворова, по мнению Толстого, связано было с народностью. Показательно, что Толстой ввел своего героя в обстановку заграничных походов, а не Отечественной войны 1812 года. Суворов был человеком другой эпохи; для Отечественной войны Толстому нужен был Кутузов. Характерно, что те настроения <...>, которые Толстой дает своим героям на Бородинском поле, в образе Тушина отсутствуют» [11. С. 282–283]. Долохов – образ настолько сложный, что Толстому для его определения понадобилось несколько ярких исторических прототипов. В этом смысле военная биография генерал-лейтенанта И.А. Дорохова, очевидно, не входила в давно и хорошо известный круг источников, освещавших подвиги героев эпохи начала XIX столетия. Тем важнее обнаруженная нами существенная концептуальная близость малоизвестного рукописного документа к главной в русской литературе художественной версии Отечественной войны – роману Толстого «Война и мир».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кандиев Б.И. Роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир». Комментарий. М.: Просвещение, 1967. 390 с.
2. Толстой Л.Н. Дневник 1864–1865 гг. / Публ. А. Петровского // Литературное наследство. Т. 37–38, кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 89–102.
3. Архангельская Т.Н. «На свете нравственным загадка». Ф.И. Толстой-Американец: страницы жизни. Тула: Ясная поляна, 2010. 188 с.
4. Розанова С.И. Лев Толстой и пушкинская Россия. М.: Флинта; Наука, 2000. 285 с.
5. Лосиевский И.Я. Дорохов // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Г–К / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 158–159.
6. Дорохов Р.И. «Военная жизнь генерала-лейтенанта Дорохова» [рукопись] – 1850. Отдел рукописей, старопечатных и редких изданий Национальной библиотеки Республики Беларусь. Ед. хр. 091/207.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. (Юбилейное). М.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 3, 10–12, 42.
8. Громов П.П. О стиле Льва Толстого: «Диалектика души» в «Войне и мире». Л.: Худ. лит., 1977. 484 с.

9. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников / сост., подгот. текстов, вступ. ст. и прим. М.И. Гиллельсона, В.А. Мануйлова. М. : Худож. лит., 1964. 583 с.
10. Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н. Толстого. Новосибирск : Наука, 1978. 160 с.
11. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб. : Искусство-СПб., 2011. 413 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 февраля 2014 г.

THE MILITARY LIFE OF LIEUTENANT-GENERAL DOROKHOV AND WAR AND PEACE BY LEO TOLSTOY: HISTORICAL AND BIOGRAPHICAL PARALLELS OF THE IMAGE OF FYODOR DOLOKHOV

Tomsk State University Journal. No. 381 (2014), 22-26 DOI: 10.17223/15617793/381/4

Gevel Olga Ye. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: olyagevel@mail.ru

Keywords: Leo Tolstoy; character; prototypes; handwritten document; military biography.

The prime aim of the article was to expand the field of historical parallels and prototypes for Fyodor Dolokhov, one of the prominent characters in the narrative structure of Tolstoy's novel *War and Peace*. As one of the basic sources we attracted the manuscript titled *The Military Life of Lieutenant-General Dorokhov*. Having been written in the 19th century by Rufin Ivanovich Dorokhov and now kept in the Division of Manuscripts of the National Library of Belarus, it has never been studied by Tolstoy researchers. Rufin Dorokhov is recognized by the literary scholars as one of the main Dolokhov's prototypes. However, the biography of his father Ivan Alexandrovich, written by Rufin, allowed us to trace a number of significant plot and motif coincidences with Tolstoy's oeuvre. These very observations in turn helped us to conclude that Dolokhov as a character is deeply rooted in historical and cultural context of the early 19th century – regardless the fact whether Tolstoy read and used Dorokhov's family chronicle while composing the source base for his greatest novel. The life of Ivan Alexandrovich, the hero of the Patriotic War against Napoleon in 1812, is compared with Tolstoy's story *The Two Hussars*, whose protagonists – father and son – immediately recall the association with the Dorokhov family. The motif equivalences and characteristics of both the *War and Peace* personage Fyodor Dolokhov and Dorokhov, the protagonist of the military biography, are analyzed. The differences in the author's position are traced along with the general comparison of the two texts: while Tolstoy creates an ethically ambiguous image of Dolokhov, Rufin Dorokhov on the contrary idealizes his father whose life finally becomes similar to the paragons of military hagiography of the past. The mechanism of incorporation of true historical details within the structure of the literary image revealed by Yuri Lotman and applied by this scholar to another *War and Peace* character, captain Tushin, is used in the course of the analysis of Fyodor Dolokhov's literary image. The significant conceptual affinity of the studied manuscript to the Tolstoy's novel with its pretexts eventually allowed us to place *The Military Life of Lieutenant-General Dorokhov* within the circle of the "background" typological parallels to the "Dolokhov's plot" – one of the most remarkable biographical lines of *War and Peace*, as well as to supply the prototypes and historical "reflections" of this character with yet another persona – Ivan Alexandrovich Dorokhov.

REFERENCES

1. Kandiev B.I. *Roman-epopeya L.N. Tolstogo "Voyna i mir". Kommentariy* [L.N. Tolstoy's epic novel *War and Peace*. A commentary]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967. 390 p.
2. Tolstoy L.N. [The diary of 1864-1865]. *Literaturnoye naslediyе* [Literary Heritage]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1939, vols. 37-38, book 2, pp. 89-102.
3. Arkhangel'skaya T.N. "Na svete npravstvennom zagadka". *F.I. Tolstoy-Amerikanets: stranitsy zhizni* ["A puzzle for the moral society" F.I. Tolstoy, an American: pages of life]. Tula, Yasnaya polyana Publ., 2010. 188 p.
4. Rozanova S.I. *Lev Tolstoy i pushkinskaya Rossiya* [Leo Tolstoy and Pushkin Russia]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2000. 285 p.
5. Losievskiy I.Ya. Dorokhov [Dorokhov]. In: Nikolaev P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800 – 1917. Biograficheskiy slovar'. G-K* [Russian writers. 1800-1917. Biographical Dictionary. G-K]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1992. Vol. 2, pp. 158-159.
6. Dorokhov R.I. "Voennaya zhizn' Generala-Leytenanta Dorokhova" [manuscript] [The Military Life of Lieutenant-General Dorokhov. A manuscript]. 1850. *Department of Manuscripts and Rare and Precious Books of the National Library of Belarus*. Item 091/207.
7. Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. [Complete Works. In 90 vols.]. Moscow, GIKhL Publ., 1928-1958. Vols. 3, 10-12, 42.
8. Gromov P.P. *O stile L'va Tolstogo: "Dialektika dushi" v "Voyne i mire"* [On the style of Leo Tolstoy: "The Dialectics of Soul" in *War and Peace*]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 484 p.
9. M. Yu. *Lermontov v vospominaniyakh sovremennikov* [M. Lermontov in the memoirs of the contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964. 583 p.
10. Odinokov V.G. *Poetika romanov L. N. Tolstogo* [Poetics of novels by Leo Tolstoy]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otd. Publ., 1978. 160 p.
11. Lotman Yu.M. *Besedy o russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII- nachalo XIX veka)* [Conversations about Russian culture: life and traditions of the Russian nobility (the 18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb. Publ., 2011. 413 p.